

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

Мысли по поводу пережитого, передуманного и перечитанного

Из «Заметок по истории Украины». 27.05.1882¹

<...> Моя цель — познание всего, что возможно человеку в настоящее время сообразно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека. А улучшение это, к сожалению моему, в мое время зависит не только от научных знаний и приложения их к борьбе с природой, а еще и к борьбе с людьми, к деятельности политической. Могущественным орудием тут является публицистика научная, неопровержимая, логичная. <...>

Из Дневника. 8.07.1882²

Прежде я не понимал того наслаждения, какое чувствует человек в настоящее время, искать объяснения того, что из сущего, из природы воспроизводится его чувствами, не из книг, а из нее самой. Какое наслаждение «вопрошать природу», «пытаться ее»! Какой рой вопросов, мыслей, соображений! Сколько причин для удивления, сколько ощущений приятного при попытке обнять своим умом, воспроизвести в себе ту работу, которая длилась века в бесконечных ее областях!

И тут он [человек] подымается из праха, из грязненьких животных отношений, он яснее сознает те стремления, какие создались у него самого под влиянием этой самой природы в течение тысячелетий. Здесь он понимает, что он сделал и что может сделать. Много неверного он сперва выведет в уме своем, много ложно поймет он, но опыт и наблюдение, рассуждение и

размышление дадут ему силу познать правильность или вероятность ее в отношении его выводов.

Много перечувствовал я в 4—5 часов, проведенных мною в Поповке³, много понял яснее, чем понимал прежде, а многое, вероятно, понял неверно. Я ожил и оживился. Оживлены мои стремления, и новые силы имею я без надежды стремиться к ним. Тут сливаются и эстетические и умственные наслаждения, тут возрождается стремление достичь того идеала, какой до сих пор выработался у человека и понятен ему. <...>

Из Дневника. 12.05. 1884⁴

<...> Задача человека заключается в доставлении наивозможно большей пользы окружающим. (Я написал «задача», но понимаю под этим словом не то, что предназначено каким-то «вседержителем неба и земли», явившимся из человеческой фантазии и никогда de facto не существовавшим, а то, что выработает каждый человек из более или менее продуманного и сознательного отношения к окружающему.) Наряду с этим нельзя забывать, что жизнь человека кончается с тем, что называют иногда «временной, земной», и что здесь, в этой жизни, он должен достигнуть возможно большего счастья.

Такое состоит как в умственном и художественном кругозоре, так и в материальной обеспеченности; умственный кругозор — наука; художественный — изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия — мир человеческой фантазии, мир идеалов и самых приятных снов; материальная обеспеченность — необходима в меньшей степени, так как ее удовольствия, по грубости, отходят на второй план, но необходимость их слишком чувствительна и без нее обойтись нельзя и незачем.

Всего этого достигает человек — только благодаря крови, страданию поколений до нас и сотен тысяч людей в наше время. Как для того, чтобы это не отравляло радостей, так и для того, чтобы достигнуть наивысшего удовольствия, так и для того, чтобы другие, плоть от плоти и кровь от крови нашей, могли достигнуть удовольствия после нас, — необходимо работать над поднятием и улучшением, над развитием человечества.

Есть еще одна сторона: вдумываясь в происходящее, вырабатывая в себе мировоззрение, познавая то, что существует, — истину, человек невольно оценивает все и из этой оценки, путем фантазии соображает, что нужно, чтобы было. Такой идеал человечества у всех различен, но все должны стремиться к его

осуществлению, должны стремиться и стремятся прямо в силу необходимости, по природе.

Ставя целью развитие человечества, мы видим, что оно достигается разными средствами и одно из них — наука. Наука доставляет сама такое обширное удовольствие, она приносит такую большую пользу, что можно бы было, казалось, остаться деятелем одной чистой науки. Это было бы приятнее. Но так оно было бы, если бы можно было заставить себя не вдумываться за пределы узкого круга специальности; когда теряется мировоззрение, с ним [теряется] высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой, и остаются отдельные микроскопические радости; чувство долга и стремление к идеалу завладевают человеком, смотрящим на науку обширным взглядом, а не взглядом специалиста, не видящего ничего за пределами своей специальности и мнящего себя ученым.

Они показывают, что нет данных, заставляющих считать неизбежным все лучшее и более полное развитие человечества, нет причин полагать, чтобы люди улучшались и могли всегда обладать даже той долей удовольствия, доставляемого наукой, искусством, благосостоянием. Видишь, что это может быть, а может и не быть; понимаешь, что условия, позволяющие научную деятельность, могут быть уничтожены и что все, что делается в государстве и обществе, так или иначе на тебя ложится. И приходишь к необходимости быть деятелем в этом государстве или обществе, стараться, чтобы оно шло к твоему идеалу, чтобы как ты, так и другие после тебя достигали наивозможного счастья.

Из письма Н. Е. Старицкой. З. 07. 1886⁵

<...> Как-то в разговоре с вами или с Сергеем*, не помню, кто-то из вас выразился, что то, что желательно, то уже давным-давно выставлено Иисусом, или Сократом, или из моралистов древности, которые, однако, были людьми необразованными. Мне кажется, что тот идеал, какой рисовался в уме, что ли, Христа, не может служить новым идеалом теперь; он касается только одной стороны жизни, в нем недостает двух вполне необходимых для человека сторон — развития и свободы деятельности умственной и эстетической; в уме таких реформаторов конечным идеалом являлось положение человека в виде чрезвычайно мягкого, славного, сытого стадного животного.

* Сергей Федорович Ольденбург.

Такой же идеал рисуется и у Толстого. Очевидно, такой идеал не может удовлетворить теперешнего мыслящего, образованного человека, а потому, мне думается, что видеть цель в доставлении человечеству жить по какому-нибудь из этих утопических идеалов — едва ли можно. Но положим на время, что желательный идеал установлен уже древними или новыми моралистами. Что же с этого? Как же быть дальше? Как достигнуть такого идеала? И это последнее положительно в состоянии указать одна только наука.

Развитие науки в последнее время определило главные причины бедности и позволило вести борьбу против нее не какими-нибудь паллиативами или случайными средствами, а позволило направить силы на самые коренные причины. Сбивая предрассудки, она доставила человеку большую свободу etc.

Но дело не в том, что дала наука, важно то, что дает она не туманный желательный идеал, а указывает ясно причины, почему *de facto* нет того идеала, какой должен был бы быть *de jure*; на чем зиждутся противодействующие причины, какова их сила или их слабость; она дает уверенность, что недаром пройдет жизнь и что при продолжительном определенном образе действий победа обеспечена. Конечно, много еще теперь неясного, неизвестного, но это неясное, неизвестное должно быть открыто при дальнейшем развитии науки.

Еще более того: она прямо указывает на невозможность или непрочность тех идеалов, какие строит жизнь человечества без соответствующего развития науки. Возьмем хоть бы учение Толстого. Положим: по широким степям и равнинам России все живут одним ручным трудом; каждый зарабатывает свой хлеб сельскохозяйственными работами, и все, что только вокруг него ни находится, он делает сам, всякий сыт, одет, хорошо спит...

Ну, а дальше? Знание исключено совсем ведь; народонаселение все увеличивается, все места заняты, и надо или искусственным путем уменьшить прирост народонаселения, не сдерживая естественных склонностей человека как животного (мальтузианцы), или же воздерживаться от того, чтобы не было много детей, как теперь делают крестьяне в Нормандии и некоторых других областях Франции; но первое — прямо безнравственно с точки зрения Толстого, а второе необходимым образом ведет к безнравственности.

Но положим, что так или иначе известный *modus vivendi* *, известное равновесие поддерживается, но другая причина оста-

* Образ жизни (*лат.*).

ется: земля ухудшается, так как знания нет и можно только пользоваться дедовскими способами работы, необходимо или уменьшить народонаселение, или жить хуже. Ведь у нас, хоть бы в России, беда не только в том, что мало земли у работников, но и в том, что средства и способы обработки часто негодны, земля истощена etc., etc. Уже не говоря о том, что такие идеалы могут касаться только частей человечества, что они не могут быть проведены вследствие того, что построены абстрактно, вне внимания к нынешнему положению дел, они в конце концов приведут опять к прежнему, к анархии. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 25. 06. 1887⁶

<...> Нет ничего неприятнее, хуже, как подчиняться чему-нибудь сильнее тебя. Я понимаю, что легко и возможно подчиниться чему-нибудь, что в твоей власти или что слабее тебя, но нет ничего хуже, тяжелее, как подчиняться, преклонять голову перед чем-то таким, что неизмеримо, гораздо больше, сильнее тебя. Это самое злое унижение, самая постыдная, тяжелая неизбежность. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 2. 07. 1887⁷

<...> По природе я мечтатель, и это опасная черта; я вполне сознаю, что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить их идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучат меня. Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов доходишь до вопросов «почему, отчего», их непременно надо разъяснить, разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление есть основа всякой ученой деятельности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне *жить, страдать и радоваться* среди ученых работ, среди ученых вопросов; ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была! <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 18. 08. 1888⁸

<...> Я считаю, что, только имея определенную, строго ясную цель, человек теперь может получать новый материал для мысли, ведь вся сила, какую может получить человек из знания, состоит в том, чтобы у него было солидное знание, чтобы у него не было легкости, дилетантизма. <...>

Не в количестве изученных фактов, не в их значении является сила нашего мышления, а в том, чтобы эти факты составляли так называемое знание, т. е. являлись продуманными, ясна была нам взаимная между ними связь. А это возможно только при ясном, определенном предмете изучения, это возможно только с помощью строго научного *изучения*. А при этом необходимо иметь цель — что именно изучаешь, для чего и как; а раз изучаешь что-нибудь, то, так как все находится в связи, сразу кладутся рамки и остальных знаний в размере, необходимом для действительного понимания явлений. Это определяет не всю сумму знаний, но определяет его характер и отделяет, таким образом, довольно резко во всех делах — дилетанта от человека, привыкшего к научной работе. <...>

Мне кажется, что процесс работы, укладка ума везде одинакова, какими бы вопросами мы ни занимались: историей ли римского государства, строением твердой материи или воспитанием человека — и везде мало-помалу вырабатывается общая умственная атмосфера фактов и понятий, для всех одинаковая...

Я лично считаю лучшим путь частной определенной небольшой работы, во время которой ты уяснила бы себе и все вопросы, с которыми ты сталкиваешься; чтобы ты при этом продолжала находиться au courant* всего, теперь в этой области совершающегося. Таким образом: 1) разработка частного вопроса по источникам и 2) слежение и уяснение всего выходящего нового. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 3. 01. 1889⁹

<...> Странная судьба. Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественно-

* В курсе дел (фр.).

историческую и потом перейти на историю, не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности (я помню, как мне *трудно* было признаться себе в этом, и я несколько колебался, не поступить ли мне на математический факультет, особенно когда у меня выпускной экзамен по математике прошел с блеском, я помню, как был тогда доволен покойник (знаешь?) (все редет) Верещагин; еще на 2-м курсе естественного я хотел переходить на математический и даже подготовился). Теперь я занялся областью, где математика есть настоящий фундамент, а его у меня нет, но геометрия все более и более захватывает меня, — есть стремление, но нет сил. <...>

Из письма С. Ф. Ольденбургу. 18.01.1889¹⁰

<...> Я лично отношусь к «социал-идеалам» скептически, как ты знаешь, отчасти потому, что меня беспокоит положение науки и образования в случае торжества этих идей, а частью потому, что большая часть земли населена совсем некультурным или некультурным в нашем смысле слова народом. Россию я хочу видеть прямо — могучей, сильной и думаю, что она многое сможет сделать как в Азии, так и вообще для общего развития Европы.

Из письма И. Е. Вернадской. 28.01.1889¹¹

<...> В Пинакотеке* я окончил более внимательный обзор немецкой школы и просмотрел дальше, бегло, и все другие отделы. Передо мной до сих пор стоят некоторые образы Дюрера¹², и я редко видел что-нибудь более могучее, более чудное, чем 4 фигуры апостолов. Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии — это не обыкновенные изображения старой символики, где мысль и понимание пробиваются только рабски, исподтишка, это мощное, яркое изображение и всей силы, всей прелести, и всей мерзости страстных народных религиозных движений.

В этих 4 лицах совместились все: ты видишь глубоко проникающую в искание правды душу одних делателей религии — они все забывают, они все совсем ушли в эту правду¹³, ты видишь, как рядом к этому же стремится и другое лицо, которое

* Картинная галерея в Мюнхене.

не может понимать всей сути, для которого дорога буква, который ближе к жизни и который потому будет понятен массам. Он в конкретных словах разъясняет то, что говорил другой, то, к чему мчались мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека, он не поймет его, исказит его, но именно потому его поймут массы: потому что он ухватит частичку нового и соединит с вековым народным. И Дюрер представил таким апостола Петра, который с ключами от царства правды. Но вся фигура, лицо и выражение этих искателя-мыслителя и искателя-казуиста так цельно и глубоко переданы, как только можно передать их.

Рядом en face* — другая группа. Это два строгих лица, это уже не мысль, а рука — это деятели. Один гневно смотрит кругом, он готов биться за правду, он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону, для распространения и силы своей идеи он хочет и власти, он способен вести толпу, но он понимает, в чем дело, это боец-мыслитель¹⁴. А рядом, рядом фанатическое, зверское лицо четвертого апостола — это мелкий деятель, это не организатор, а исполнитель, он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею¹⁵.

И вот в этих 4 деятелях, в этих 4 фигурах распространителей христианства мощный ум Дюрера выразил великую истину: мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду, от него является посредником более осязательный, но более низменный ученик — он соединил новое со старым и вот старыми средствами вводит это новое, 3-й апостол — политик, а 4-й является уже совсем низменным выразителем толпы и ее средств. Но он самый понятный и de facto самый сильный. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке 4-го, и так частично может пройти даже такое, что наиболее сильно и мощно влияло на человечество. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 12. 02. 1889*¹⁶

<...> Я говорю не об «историческом» моменте, когда бывает нужна та или иная деятельность, а об определенном «деле» — об определенной работе, которую надо сделать в определенное время, если хочешь, чтобы твое определенное дело было достигнуто. Никакой фанатичности тут нет. Например, если я хочу быть профессором минералогии, я должен раньше подготовиться и сдать магистерский экзамен, если я его не сдам, я не могу

* Анфас (фр.).

быть профессором, а если я хочу быть возможно скоро профессором, я не могу откладывать экзамен на 20—30 лет. <...>

Я не согласен с твоим взглядом на жизнь — именно потому, что она так широка, так сильна и так непонятна, а именно потому *должен* входить в нее с ясно намеченной, резко определенной малой задачей деятельности, если, конечно, я почему бы то ни было *хочу* чего-нибудь добиться. Иначе я пропаду в вечных бросаниях из одного угла в другой и вместо какого бы то ни было дела буду вертеться как белка в колесе. Сегодня примусь за одно дело, — а подвернется завтра, когда я кончил сегодняшнее, другое, которое мне покажется интересным или важным, — примусь за него. Так — жить нельзя. Если я имею ясную для данного момента программу нашей деятельности, программу по самой сути своей на несколько лет — не значит являться фанатиком, если неуклонно и по возможности стараться проводить ее. <...>

Меня, по моему здоровью, работа утомляет мало, но это исключение, и не знаю, долго ли оно продолжится. Я видел многих работающих в лаборатории, и далеко не все могут *еще* работать вечером; здесь, даже если день прошел в работе в лаборатории или кабинете, вечером занимаются очень мало — так и Мутман, и Вебер (кажется, Зонке), да и все почти, — они устают.

Неверно твое мнение и об интересе научной работы; интересно известное обобщение, может быть интересна иная обработка результатов, очень интересно читать ту или иную научную работу, но в самой сути научных работ громадная масса работы чисто механической, которую делаешь по чувству долга, по предвидению цели — работы скучной, утомительной, *тяжелой*. Эта работа является превосходной школой терпения, требует нервной выдержки. Если ты наблюдаешь лиц, работающих научно, или делаешь наблюдения над самим собой, ты замечаешь, как часто они находятся в раздраженном состоянии вследствие хода и сути работы или как часто они не могут заставить себя работать, потому что вся их воля ушла в мелкой напряженной работе и им надо опять собраться с силами...

Меня интересуют те или иные вопросы, но я не могу ими заняться, потому что моя деятельность должна направиться на другое. Меня интересуют многие книги — читать их нет времени, хотя мне бы было несравненно приятнее читать их, чем делать ту работу, которую я делаю. Мои вычисления, в большинстве случаев громадные, меня не интересуют, как, я знаю, не интересуют и всех других, — я делаю это как неприятную механическую работу, а на это уходят часы; я сидел, положим, для

вещества, которое теперь обрабатываю, часов 200 в темной комнате, и все мое занятие состояло в том, что я измерял углы, причем ни самые углы, ни самые результаты меня почти не интересовали, потому что они значения особого иметь не могут, взятые отдельно, да, может, и вообще. Ту работу, которая меня интересовала, я вести так, как хотел, не мог и еще долго не [с]могу. <...>

Интерес научной деятельности состоит в исследовании или в ясном понимании цели, но научная деятельность нелегкая, и большая часть времени посвящена механической, совсем не интересной работе; следовательно, совершенно неверно, что я могу посвятить мою деятельность весь день, как *хочу* и *интересно*. Совершенно неверно — то, что я хочу, я делаю урывками, а того, что меня интересует, добиваюсь массой времени, потраченного неинтересно и утомительно. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 18. 03. 1889*¹⁷

<...> Еще яснее я вижу неверность формулы: «Производиться должны предметы первой необходимости» — и что только это является нужной работой, — не должны тратиться силы на производство предметов роскоши. Мне кажется это отрицанием всего самого мне дорогого — отрицанием развития умственного человечества, науки, искусства.

«Роскошь» — понятие очень неопределенное, она является следствием условий времени и места и главным образом следствием известного распределения продуктов в данном месте в данное время. Прекрасный пример — шелк — роскошь теперь в Европе и не предмет роскоши в Китае, насколько я знаю, и т. п. Единственный материальный прогресс, какой могут указать в положении рабочего класса, — это именно то, что предметы «роскоши» сделались доступны ему и потеряли вследствие этого этот свой характер.

Много, страшно много таких предметов, которые получили теперь характер (например, картофель, например, в истории человечества — железо, например, библиотека и т. п., и т. п.) предметов почти «первой необходимости». Мне кажется, мы переживаем теперь целый ряд таких процессов — вспоминаются мне два, которые совершились почти на наших глазах: в России керосин был недавно роскошью, а теперь вытеснил лучину (одно из самых важных улучшений жизни массы у нас в последнее время); новые способы искусственного рыборазведения делают всюду общедоступными лучшие сорта рыбы; наконец, все предметы электричества и т. п.

Следовательно, характер «роскоши» не может определять важность производительности деятельности. Производство продуктов первой необходимости — это застой, предметов роскоши — развитие. Производство не может оправдываться условиями распределения, потому что это условия местные, временные, а производство накапливает весь капитал, все достояние человечества без взгляда на распределение.

Но, несомненно, есть правда, что иногда производство предметов «роскоши», иногда производство и предметов дешевых для массы (нельзя их назвать роскошью) является вредным, и я старался найти их, чтобы на основании этих известных мне фактов формулировать, чем должно оцениваться производство. Такой вредный факт: производство опиума, обогатившего Англию и дававшего такой славный заработок индейцам и пагубного для Китая etc.

Таким являются производство предметов изысканности, предметов, тесно связанных с известным нравственным упадком общества или вредных для производителей. Одним словом, оценка должна явиться с характером *этическим* (не в смысле только личной этики).

А потому не может явиться стыдной или ненужной деятельность в таких областях, которые только теперь являются предметами роскоши вследствие дурных условий распределения, и желательно, чтобы стали доступны желающим.

Развитие этих областей производства — прогресса — желательно и необходимо. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 5. 07. 1890*¹⁸

<...> Много, много мыслей рождается, когда сидишь в тенистом, густом саду, когда сумерки скрывают яркость теней, как-то больше и глубже углубляют тебя в жизнь природы. А она здесь живет, и ты видишь эту жизнь в каждом листе, где роятся бесчисленные клеточки плазмы, видишь и слышишь ее в шуме, летании насекомых, движении червей, малолушном блуждании ежей и других, более крупных жителей сада в сумерках. Та основа, которая определяет твою жизнь и отличает тебя от остальной природы, находится в каждом листе — есть ли и там «сознание», которое для тебя *de facto* единственно важное отличие одушевленной природы от неодушевленной? Или этого сознания там нет, совсем нет?

Но тогда сознание даже в жизнеодаренной природе играет случайную роль, является случайным аксессуаром, не есть

conditio sine qua non* жизни? А если оно есть, то какова его форма и проявление в других существах и где граница между одушевленной и неодушевленной природой? Тогда явится неизбежным пантеистическое представление о природе, столь родное нашему уму и сердцу, если рассуждать априорно. А ведь пантеизм всюду — в языке, в обычном ходе мысли, в мире сказок, легенд — этом источнике живой веры.

Говорится, что естественные науки подняли силу человека, дали ему какую-то невиданную мощь: они, скорее, низвели природу до человека, дали возможность предугадывать ее мелкость, предугадывать, что по должном расследовании она явится с того же порядка, как и природа человека. Чувствуешь сильно суету сует — суету мира, всего мира, а между тем все великое, тобою созданное, перед чем все суета сует, само существует лишь в твоей фантазии, есть абстракция этой самой суеты.

Жаль или не жаль потерять возможность существования в природе движителей и деятелей, более сильных, чем человек, одаренных большей степенью сознания? Возможна ли без них цель жизни?

Манфреды¹⁹ и Фаусты²⁰ удовлетворяют большему чувству, чем Ньютоны, Лавуазье. Первые имеют надежду остаться и навеки личностями, и в них получает и в оживотворенной природе смысл жизнь личности, а вторые? Что они дали и что они взяли? Для чего дали?

Из письма Н. Е. Вернадской. 29. 09. 1890²¹

<...> Ты знаешь, я не могу работать, не отрывая постоянными урывками свой ум от специального предмета и не читая постороннего. И всегда — во время [при]готовления к экзаменам и спешных работ — я перечитывал гораздо больше книг, чем в обычное время. Так и теперь. Я одно время страдал от бескнижья, а окружающие материалы по минералогии, геологии, физике и химии не годились. Прочел Дриля²², не нравится, очень слабо, и, наконец, за неимением лучшего большую статью Вагнера о классификации пауков!²³ Только постоянным оживлением ума он получает нужную интенсивность и ширь в работе. Вчера записался в библиотеке и взял Гиббона²⁴. <...>

* Непременное условие (лат.).

Из письма Н. Е. Вернадской. 19. 10. 1890²⁵

<...> В твоём последнем письме ты затронула вопрос «о научном» социализме, а раньше — вопрос о моем тезисе: люди существуют для науки, и там и тут с твоим (а во втором случае и с Пашиным *) мнением я не согласен. Я очень сильно сомневаюсь в «научности» социализма и не решаюсь пока высказаться достаточно ясно и резко лишь потому, что целый ряд мне близких людей — мнение и ум которых я ценю — мыслят об этом иначе. Но бессознательная, урывчатая работа мысли идет у меня по этому вопросу, и мое убеждение все больше и резче определяется. Я думаю, что логическим проведением принципов, входящих в состав либерального profession de foi **, достигается требование всех до сих пор выставленных требований разных практических социальных программ; я не понимаю, каким образом известное представление о какой бы то ни было регламентации, картине строя может быть известным мериллом или мировоззрением? По моему убеждению, все, что дается социализмом и что может быть выцарапано именно из его теорий, составляет очень маленькую часть мировоззрения — оно должно основываться на более широких, глубоких основаниях.

Относительно: человек существует для науки, а не наука для человека — мне кажется, я не только высказываю какое-нибудь абсурдное положение, а, наоборот, выражаю даже факт, не раз наблюдавшийся. Я не вижу в природе никакой цели, а цель есть продукт человеческого развития, и им самим эта цель создается. По-видимому, это что-то, что в общей природе не существует, или, по крайней мере, мне неизвестны данные или явления, не позволяющие так думать. Я думаю, что таким же созданием человеческого развития является и представление о природе как о чем-то целом, едином, правильном, чего человек является лишь частью, связанною с целым. Очевидны все важные последствия для человеческого мировоззрения, раз вселенная как целое есть лишь продукт его же собственной несовершенной организации.

Я думаю, что нет никаких данных, этому представлению противоречащих, и, с другой стороны, по моему крайнему убеждению, данные естественных наук не говорят за совсем иное мировоззрение. Единственным путем решения этого коренного вопроса является наука, является мышление, которое един-

* Павел Егорович Старицкий.

** Кредо (фр.).

ственное как будто заключает в себе что-то, вне человека находящееся.

Поэтому, раз цель человеком создается, то легко можно и должно принять целью науку. Я думаю, в выражении *cogito ergo sum** надо *sum* придать лишь более глубокое значение. А приняв целью науку, проследить ее влияние — именно этой цели, т. е. искания, мысли, — на всю человеческую деятельность, на все отношения его ко всему окружающему. Существование человека для науки (называется иногда в жизни служением науке, а я не отделяю от науки стремящееся к истине и искусство) вносит в жизнь светлые лучи идеала. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 5. 05. 1892*²⁶

<...> Воспитание может основываться или на религиозной подкладке, или на гуманитарной, или на гражданской. Это потому, что одна из его задач — и самая главная — осмыслить жизнь, и цель жизни должна проходить сквозь все воспитание. Эта цель может быть дана религией (в широком смысле), может быть понята в смысле работы на пользу человечества, может быть поставлена гражданским обществом (например, греки). Но какая *цель* может быть дана естествознанием? В нем *цели* нет, оно бесстрастно, оно оживляется в наших представлениях лишь вследствие чуждых ему гуманитарных элементов (например, пантеистического мировоззрения на природу, сознания блага от развития науки для человечества, сознания проявления творца в природе — у разных людей различно).

Это и понятно — *воспитание* готовит людей для жизни, оно должно главным образом создать личность в обществе, а как могут создать это естественные науки, которые само общество и само человечество низводят с того пьедестала, на каком они неизменно должны стоять в жизни. Весь смысл и вся цель такого воспитания может лишь быть дана, когда его ведут люди гуманитарно образованные, преподающие и естествознание с чуждым ему оттенком. Но — каково будет другое поколение учителей, которое само воспитано на «естествознании»?

Мне кажется, должно быть *аксиомой*: воспитание человека может быть основано только в связи с изучением жизни, идей, истории человека же. Я не отрицаю значения естественных наук и не говорю, что им не надо учиться, — сам занимаюсь тем, что

---

* Я мыслю, следовательно, я существую (*лат.*). — слова французского философа Декарта (*примеч. публ.*).

учу им, — но думаю, что на них *не может быть основано* воспитание. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 27. 05. 1892*²⁷

<...> Какая важная вещь *гигиена мысли*. Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем. Надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя мысль отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густой стеной великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, когда кругом идет гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 4. 06. 1892*²⁸

<...> Я вообще не понимаю деления любви на какую-то «чувственную» — животную и на какую-то возвышенную — идеальную. Мне кажется, вообще представление о чувственном, животном у нас является чем-то, право, комичным. Несомненно, бывают иногда болезненные проявления чисто чувственной страсти, такое направление даже воспитывается нашей обычной жизнью, как, например, той же проституцией, той же светской, «барышнической» жизнью и т. п., но в существе проявляется в жизни совсем иное, и когда мы говорим о любви, то мы видим проявление иного. Неужели это только проявления чисто «животного» элемента — все произведения поэзии, скульптуры, живописи, музыки, вызванные «чувственной» любовью, наконец, вся жизнь молодых личностей, которые впервые сживаются вместе и переживают во всем новое, неизведанное.

Все дело лишь в том, насколько *вообще* высока личность каждого из любящих и насколько они *равны* между собой. Но совершенно то же мы видим всюду: в дружбе, в общем разговоре, в общем времяпровождении и т. п. Всяду низменная природа или малая культура наложит все тот же отпечаток пошлости. Мне кажется, пора не смотреть на «тело» как на что-то презренное и пора избавиться от узкого христианского (или монашеского) деления на дух и тело. Настоящая душевная жизнь, настоящая идейная сторона жизни состоит именно в использовании лучших сторон тела и духа. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 2. 07. 1892*²⁹

<...> Целью, удовлетворяющею меня, не может быть благо людей, для этого не стоит жить *. Мое увлечение общественной деятельностью в сильной степени проистекает из стремления к свободе. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 16. 07. 1892*³⁰

<...> Прочел первую главу «Philosophie de l'art» Тэна **. Она меня совсем не удовлетворила. С его определением искусства я глубоко не согласен. Элемент «подражания», мне кажется, в искусстве совсем будет слаб, так как это не подражание, а *скорее* процесс, но существенно иной. Искусство, по самой сути своей, есть *отвлечение* и всегда имеет дело с *общими* понятиями, а не с конкретными случаями. Даже в портретах: не любая минута лица, а характер лица и т. п. и т. п. Поэтому абсолют так отражен в искусстве и вечен. <...>

*Из Дневника. 29. 04. 1893*³¹

<...> Был у нас Л. Н. Толстой — с ним продолжительный разговор об идеях, науке etc³². Он говорил, что его считают мистиком, но скорее я мистик. И я бы им быть был бы рад, мне мешает скептицизм. Я думаю, что в учении Толстого гораздо больше глубокого, чем мне то вначале казалось. И это глубокое заключается: 1) основой жизни — искание истины и 2) настоящая задача состоит в высказывании этой истины без всяких уступок. Я думаю, это последнее — самое важное, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет основную силу учения, т[ак] к[ак] тогда наиболее сильно проявляется личность и личность получает общественную силу. Толстой — анархист. Науку — искание истины — ценит, но не университет, etc. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 10. 06. 1893*³³

<...> Я совсем не могу понять пантеизма³⁴, как не могу понять счастья и цели в слиянии с природою или того удовлетворения, какое дает сознание, что твоя погибель (а в данном слу-

* Абсолют должен быть вне людей и выше их.

** *Taine* Н. А. Philosophie de l'art. Paris, 1880 (примеч. публ.).

чае вся жизнь, в сущности, сводится к умению хорошо погибнуть) полезна для общего. Для меня единственно и понятна религия, где есть вечно сущая бессмертная личность, — и всякое божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека. Я не могу понять пантеизма как религию еще потому, что он допускает единство мира, мировые законы и т. п., одним словом, целое — природу — как нечто несомненное, и мне кажется, все это есть фикция, есть создание человеческого сознания или духа. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 12. 06. 1893³⁵

<...> Ужасно непроглядна крестьянская жизнь, она тяжела, невыносима экономически, но она ужасна и в духовном отношении. Право, работать для одной сытости нельзя, и такая деятельность, меня по крайней мере, не удовлетворит. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 21. 06. 1893³⁶

<...> При том положении, при каком мы находимся в России, я не могу уйти в одну науку, да и при теперешнем положении русских университетов это чрезвычайно трудно. С другой стороны, нет никакой возможности настоящей политической борьбы при том строе жизни, при каком мы живем. Заниматься наукой и вести политическую борьбу — возможно более сильным людям, чем я, а у меня нет ни знаний, ни таланта, ни рабочей силы, для этого потребных. Теперь выходит ни то ни се.

Если бы я мог что-нибудь сделать для науки, то только не в России, и, право, я не знаю иногда, к чему проводить здесь бессмысленную жизнь раба, когда можно, ликвидировав дела, жить свободным человеком на Западе. Можно бороться там за права России и не в качестве лукавящего, связанного по рукам и ногам раба, а в качестве раба, ставшего свободным человеком и борющегося свободно за других.

Меня душит все здесь — и собственное бессилие, и рабы мысли, и рабы чувства, и рабы удовольствия кругом. Всюду залезли холопы и мелкие людишки московских государей и татарвы, и они с дикой, томящей радостью и самодовольством всюду высоко напоказ несут свои знамена, свои принципы. Я понимаю один ответ на все это — это свободное слово, это критику, протест против всего, что здесь совершается, но это невозможно и по двум причинам — этого нельзя в России, и на это у меня нет знаний, нет таланта, нет умения. Я не могу выразить,...

чувствуя, не умею передать другим ни чувства стыда, ни чувства горя и злобы, которые часто [душат,] мучают, бессилят меня. Знаешь, бывает так, когда понимаешь, а передать, сказать, сообщить другим не можешь. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 29. 06. 1893³⁷

<...> В одном письме ты пишешь возражения против значения сознания в «мире». Я эти возражения не могу счесть возражениями — многое хотелось бы написать, но не знаю, смогу ли. Ты пишешь, что: 1) сознание количественно наблюдается так мало в мире, что не может быть главным фактом мировой жизни и 2) оно является поэтому как бы роскошью, и главная масса мировых процессов бессознательна, отсюда 3) развитие сознания не может являться целью...

Мне хочется по поводу них высказать свои сомнения. 1) Я не понимаю, почему главные явления жизни природы и вырабатываемая ею цель должны занимать количественно главное место. Ведь это чисто антропоморфическое представление. 2) Из наблюдаемой природы мы как раз должны ожидать обратного (хотя это и не необходимо): везде, где является целесообразность, например цветков в связи с явлением опыления их, количество гибнущих семян в связи с уцелевшими и т. п. 3) Мы даже не можем судить о количестве сознания в мире, так как сам мир есть продукт нашего сознания, по аналогии мы можем сознания не видеть, как не чувствуем давления на нас атмосферы и т. п. 4) Есть один факт развития Земли — это усиление сознания, хотя я допускаю, что, может быть, через миллионы лет пойдет обратный процесс. Но ведь для нас — продуктов этой жизни Земли — едва ли явится желательным работать в последнем направлении, а я думаю, что многое зависит от работы лиц, одаренных сознанием. 5) Наконец, я не понимаю жизни без сознания. Мне представляется так: есть в жизни течения регрессивные, которые тянут человека к тупой, тяжелой, чувственной, животной жизни: они накладывают свою печать на все совершающееся, и в этой же жизни является другой элемент — небольшой — зерно прогресса — силы сознания. Она тянет вверх — она является результатом огромного количества затраченной Землею работы для выработки более высоких форм. Иногда первая побеждает и вторая сторона заглушается: это было даже большей частью, и большая часть человечества явилась нам в виде дикарей, варваров и т. п. Сила сознания в них

есть, но слаба, и она выражалась лишь в коллективных работах, в некоторых сказках, песнях, мифах и т. п.

Но в некоторой части человечества сила сознания развилась, и это соответствовало общему процессу «природы» (как она рисуется сознанию — тут *circulus vitiosus**), и такие племена выдвинулись (большая аналогия с палеонтологическим развитием форм и гибелью побочных ветвей) — еще шире двинутся они, когда сознание сознает свою силу, и еще больших, высших ступеней оно может достигнуть, каких — трудно сказать. Та «жизнь», которая будто бы может быть целью человека только потому (по моему мнению), <что ему такой рисуется, что в ней существуют люди, несущие знамя сознания и ими уже глубоко окружающая нас жизнь проникнута: что бы случилось с «жизнью» — во что бы она превратилась, — если бы такой сознательной работы не было? Что бы было, если бы лица, могущие развивать сознание, его не развивали бы — во имя чего?

Я не ставлю целью жизни человека — принесение пользы другим людям (долго объяснять — почему), но не могу не указать, что: 1) людей, могущих развивать сознание в стране, по многим причинам, немного, и горе той стране, где такие люди зарывают тот огонь, который теплится в них, и скрывают, искажают его святое воздействие, и 2) никогда этого не может быть везде, а потому — те народы, где лица, могущие развивать сознание, исполняют свою обязанность, будут сильны, отсюда следует, что другие народы будут жить хуже и в общем нарушается равновесие развития человеческих племен. Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке как к роскоши. По-моему, в этом еще сказывается некоторое варварство нашего общества...

Я много думал в связи с историей науки. Мне хочется написать о значении личности в развитии человеческой мысли. Я мало верю в массовые силы в истории. Много думал и о печальном недоразумении русского интеллигента — общине. Какой, в сущности, русский человек — холоп в душе!.. <...>

*Из Дневника. 3. 08. 1893*³⁸

<...> Государство существует для граждан, а не граждане для государства. Следовательно, основным мотивом деятельности государства может быть лишь какое-нибудь основное требование человеческой личности. Таким основным требованием яв-

* Порочный круг (лат.).

ляются так называемые права человека, которые, в сущности, все могут быть сведены к одному — к признанию в человеке неотъемлемым основным — сознание и разум его, которые должны развиваться и усиливаться в государстве. <...>

*Из Дневника. 17. 08. 1893*³⁹

Я думаю, что социализм строит свои теории на основании изучения тех явлений, какие произошли в экономической жизни за последние 70–80 лет. Он исходит из предположения, что так же будет и дальше. Между тем такой вывод совершенно не обуславливается наблюдаемыми фактами. Расширение капиталистического производства является до известной степени следствием введения пара etc. Что будет, когда легко будет применять даровые огромные очаги энергии, как ветер, морской прибой, когда разовьется электричество, когда передача силы на расстояние станет чрезвычайно доступной. Мне кажется, что очень многое из ближайших социалистических реформ проводится логически и правильно демократическими радикальными партиями, но отличие их от социализма то, что они исходят из признания значения личности, неприкосновенности свободы. А социализм основан всегда на подчинении личности благополучию (экономическому) большинства.

*Из Дневника. 25. 01. 1894*⁴⁰

С Наташей* был на выставке картин Московского общества художников — пейзажи да еще весна и осень ранняя преобладают. Сил на одновременное развитие всех сторон живописи у нас, верно, не хватает, так как публика слишком мала для художников. Мало кто покупает хорошие картины. Иные стыдятся, как роскоши вредной и для народа разорительной. А между тем только этим путем пока может развиваться художественный гений народа и только так неизмеримо много может создаваться. Я глубоко убежден, что одна Третьяковская галерея сделает больше для развития свободного человека, чем тысячи людей. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 13. 06. 1894*⁴¹

<...> Как-то яснее и сильнее чувствуешь всю необходимость серьезной и сильной, мужественной работы для достижения ко-

* Н. Е. Вернадская.

ренной, основной причины, без которой невозможны никакие реформы, никакие улучшения, более или менее прочные, — освобождение человеческой личности. <...>

Право, иногда мне кажется, что крепостничество въелось в плоть и кровь даже лучших русских людей. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 21. 07/2. 08. 1894*⁴²

<...> В своем письме ты затрагиваешь вопрос о том, что я будто бы вижу во всем лишь логическую сторону, и говоришь, что я склонен к какому-то узкому рационализму в решении. Но я *никогда* ничего подобного не говорил! Я от души всегда ненавидел всякие рационалистические стремления в религии. И мое отношение к протестантизму из этого происходит! И те обвинения в мистицизме, которые мне многие расточали и расточают! Но я прежде думал и теперь думаю, что всякие мелкие личности и всякие разнообразные житейские дела есть печальное зло и ни к религии, ни к логике, вообще говоря, не относятся. В них дорога лишь одна сторона — сторона более глубокая: или сторона более общего (логическая), или сторона более красивого (мистическая). В понятии же идеи они, по-видимому, сливаются. Идею вполне выразить словами нельзя.

Меня сильно удивило это твое приписываемое мне мнение! Но ты вспомни: ко всем так называемым психологическим наблюдениям я относился и отношусь критически, потому что думаю, что это прокрустово ложе и что дух не может быть вложен в логические рамки. Ко всяким попыткам свести всю религию на мораль (а этим грешат все так называемые очистители христианства — от Гуса и до Толстого) я относился всегда и отношусь, безусловно, враждебно, ибо думаю, что и религия и мораль несоизмеримы. Одна глубока и необъятна, а другая может быть выведена на чем угодно, из чего угодно и какая угодно. Все попытки *логически* обосновать мораль из знания или логически вывести ее из религии одинаково верны или одинаково ложны. <...>

Так, из христианства одинаково истекает мораль апостола Павла и Торквемады, Кальвина и Лойолы, Победоносцева и Толстого и т. д., и т. д. Поэтому мне кажутся пустячными всякие эти споры. Я всегда отрицал и отрицаю возможность примирения знания и религии, потому что считаю эти основы несоизмеримыми и разного порядка, а ты говоришь, что я все свожу к логическому рационализму! Я давно уже считал и считаю, что даже логический процесс в его самом чистом виде — в пред-

ставлении о Вселенной и законах природы — не может отвечать действительности, ибо, по существу, вне его есть другое, а ты говоришь, что я всегда стремился к рационализму! Неужели ты это думаешь, что пишешь!

Правда — меня мало интересуют многие мелочи жизни, и я стремлюсь и стремился к умственной жизни, но ведь потому что у нас «умственная» жизнь не есть только жизнь разума. И художественные наслаждения, и высокие формы (тоже «логический» процесс?) любви, дружбы, служения свободе — все это связывается с этой умственной жизнью. Разве ты не можешь вспомнить, что я никогда не был и никогда не буду сторонником логического процесса, сторонником проникновения разума, анализа, сравнения и т. п., и т. п. в эти вопросы так называемого чувства. Все эти так называемые психологические романы с их объяснениями человеческой души кажутся мне каким-то протестантизмом в искусстве, с его потугами и холодным, узким, неглубоким полужнальством, они мне кажутся зарыванием человеческой души в яичную скорлупу. Все общественные и т. п. сплетни, т. е. те же «психологические» разборки близких и далеких лиц с их глупой моралью и слабым анализом, кажутся мне тем же для ума, чем для рабочего дня является картежная игра. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 21. 05. 1895*⁴³

<...> Мне неприятно выставлять себя вперед и входить во всю борьбу с личными самолюбиями, интересами и т. д. А между тем это отражается вредно на всей моей деятельности, так как при всяком положении я нахожу интерес к наблюдению и одинаково могу ужиться и в сфере научных — естественно-исторических, и в сфере общественных, хозяйственных и т. д. интересов. А при бесконечности окружающего немудрено всюду, куда *толкнет* случай, останавливаться и продолжать жить в сфере мысли. Поэтому я и считаю большим своим недостатком отсутствие личного честолюбия. Ну да я убежден, что я с этим справлюсь, и справлюсь главным образом потому, что мне кажется, что отсутствие активности отражается на силе самой моей мысли, а эта сторона для меня слишком дорога. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 20—21. 04. 1896*⁴⁴

<...> Иногда передо мной необычайно ярко и сильно проходит какое-то сознание единства и неподвижности, если могу так

выразиться, исторического процесса. В этом смысле мне всегда много дает комедия, так как это — вместе со сказкой — единственная форма, которая дает тебе понятие о духовной жизни человечества при самых разнообразных исторических условиях, в разных климатах и местах за последние 2000—2500 лет. И она дает чувство единства и чувство того, что исторический «прогресс» в значительной степени иллюзия, т. е. что-то более общее, глубокое, которое не нарождается, а постоянно всюду неизменно проходит во всем разнообразии кажущихся явлений. <...>

Все менее и менее становится для меня понятным процесс эволюции — исторический процесс в широком смысле. Иногда он мне начинает казаться известным перенесением на окружающее антропоморфических представлений — детства, мужества, старости человека, и то же самое представление сказывается в подведении великого хаоса в мировую систему Канта—Лапласа, в теорию эволюции Дарвина, в понятие исторического прогресса и т. д. А между тем, если есть что-нибудь абсолютное, вечное, — оно тем самым исключает понятие прогресса. И его нет в целом ряде глубоких философских или религиозных систем. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 20. 07/2. 08. 1900⁴⁵

<...> Голландской живописи видел мало — только две главные галереи в Гааге и Амстердаме⁴⁶. В общем меня голландцы трогают мало, кроме Рембрандта, конечно, который, однако, стоит особняком. Тихий их пейзаж и жанр мало говорят сердцу, хотя я не могу отрицать, что картины Стена и немногие Ван Остаде дают многое душе — выражением душевных движений в жанре. Но того, что дала и дает мне итальянская старая живопись, я напрасно ищу в голландцах. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 23. 07/5. 08. 1900⁴⁷

<...> Мне кажется, что моя мысль подернута дымкой и моя воля связана туманом и я сознательно ничего не делаю, чтобы из него выйти. В его успокаивающем, укачивающем действии я нахожу удобные формы для «спокойной» умственной жизни. Если из моей научной деятельности выходило что-нибудь или выйдет — это выходило помимо направляющего сознательного, напряженного действия моей воли, выходило само собой. Я чувствую, что моя личность, мое внутреннее «я» еще почти не про-

являлось в жизни, и как-то сильно чувствовалось, что, как в облаке, окутанный от жизни и ее сильных воздействий пеленою, прохожу я жизнь — дилетантом — в своем мире, туманном и неясном. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 26. 09. 1900*⁴⁸

<...> Завтра земское собрание⁴⁹, и я отовсюду слышу, что меня там ждут. И я не знаю, как тебе выразить, как мне это тяжело. Быть на виду, быть в положении так или иначе вождя — это такое тяжелое, мучительно мне неприятное состояние. А между тем, рассуждая холодным рассудком, я понимаю, что при теперешнем положении Моршанского земства — это так и быть должно: на безрыбье и рак рыба, но тяжело и противно быть в положении рака, ставшего de facto* рыбой. Если бы я мог ясно убедить себя [в] ненужности той культурной работы, которая делается земством! или которой могу иногда достигать и я благодаря случайно сложившемуся моему положению в собрании! Но в действительности здесь, на месте, все эти меры принимают для меня ясную форму конкретно доброго, нужного дела. И как на искус идешь на собрание. <...>

*Из Дневника. 29. 10. 1900*⁵⁰

<...> В русской жизни теперь только один путь — жить самому по себе, вне созданных рамок, которые, правда, дают почет, «славу» и положение, — но вынимают душу, растрачивают время и силы. И это есть настоящее общественное дело, потому что те люди, которые чувствуют в себе силу идти своим путем к намеченной ими вечной цели, делают этим самым общественное служение, ибо только такое общество может быть сильно и не погибнет под напором других в нем растущих организаций — например, у нас под влиянием бюрократического правительства. <...>

И теперь для меня ясна цель — твердая научная работа: она по существу не ладит с бюрократическим университетским строем, но, не входя и не тратя сил на борьбу, можно ли создать живую научную работу и провести здесь в жизнь — живую струю не только слежения за наукой, ее обладанием или изложением, но настоящей созидательной работы в научной области.

* Фактически (лат.).

*Из письма Н. Е. Вернадской. 20. 08. 1902*⁵¹

<...> Ты знаешь, что я смотрю на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаю ей огромное, плодотворное значение. Мне кажется, это стороны одного и того же процесса — стороны совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются только в нашем уме. Если бы одна из них заглохла, прекратился бы живой рост и другой. Развитие научной мысли никогда не идет дедукцией или индукцией — оно должно иметь свои корни в другой — более полной поэзии и фантазии — области: это или область жизни, или область искусства, или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией — рационалистическими процессами, — область философии. Философия всегда заключает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области будущего развития науки, и только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежно схематических построений науки. В истории развития научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии, как корней и жизненной атмосферы научного мышления. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 28. 03. 1911*⁵²

<...> Вечером был на заседании Общества испытателей — отделение минералогии и геологии, где не был с 1888! Попал очень неудачно, т[ак] к[ак] по предложению Карпинского⁵³ чувствовали женевского профессора Дюпара⁵⁴, бывшего на заседании, и меня. Карпинский произнес нам речи и очень как-то неловко чувствовать публичные похвалы... Но заседание интересно, хотя очень долго. <...>

*Из Дневника. 1913*⁵⁵

Замечалось не раз и сделалось общим местом, что человек понемногу свыкается с окружающим, не замечает происходящих вокруг него перемен, до тех пор пока сразу не попадет в новые условия жизни. Тогда он в старом увидит новое там, где все казалось столь обыденным и ясным. И, с другой стороны, многое важное поймется им как не имеющее значения, а на место его выдвинутся события и явления, значение которых им не подозревалось. Поездка в Америку⁵⁶ дает особенно много именно с этой точки зрения; она меняет масштаб, которым мы

меряем окружающее, ставит события на иное место, чем мы привыкли это делать, забывая о своем суждении об окружающем, о существовании вне пределов Европы Нового Света. Мы могли его забывать и не принимать серьезно во внимание, но жизнь связала нас с ним неразрывными связями, и в действительности то, что происходит в этой стране, касается нас ближе, чем мы думаем, и должно заставлять нас вглядываться в них глубже, чем мы привыкли это делать. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 19. 07. 1917⁵⁷

<...> Сейчас главной работой является набрасывание давних моих размышлений и мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения. Мне хочется связно изложить — сколько могу без книг, выписок (оставил в Петрограде!) и подсчетов — мои мысли. Над ними думаю и к ним постоянно возвращаюсь десятки лет. Излагаю так, что дальнейшая обработка может пойти прямо и точно. Сейчас уже написал более 40 страниц и думаю, что перед отъездом закончу.

Несомненно, тут у меня много нового; и многое новое открывается при обработке; подхожу к новым заданиям и вопросам. Так или иначе, я ясно чувствую, что надо было это сделать, так как, так или иначе, это результат всей моей прошлой научной работы. И вместе с тем глубокое неудовлетворение результатом и странное — столь обычное для меня — чувство, что я делаю не настоящую научную работу. Отчасти чувство «ученого» — настоящей научной работой кажутся опыт, анализ, измерение, новый факт, а не обобщение. А тут все главное — и все новое в обобщении.

С другой стороны, в этой работе я как-то спокойнее смотрю на окружающее, ибо я сталкиваюсь в ней с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего даже в такой трагический момент, какой мы переживаем. Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно, я через самый грубый на первый раз материализм мог бы подойти этим путем к странным и очень далеким от материализма философским выводам. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она все же войдет. А не этого хочет мятущийся ум. <...>

*Из письма Н. Е. Вернадской. 21. 07. 1917*⁵⁸

<...> Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас Библию. И как-то странно, одновременно я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может мыслить разное и несводимое в одно и чувствовать единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении Библии. <...>

*Из письма Г. В. Вернадскому. 25. 07. 1917*⁵⁹

Получил твоё письмо, где ты мне пишешь своё решение идти в армию, о чём ты говорил мне и раньше. Мне хочется написать тебе несколько слов по этому поводу, хотя, мне кажется, ты знаешь моё мнение.

Если бы я стал рассуждать об этом решении, то оно мне представилось бы таким, которое не следует делать, так как по условиям жизни, от тебя не зависящим, твой образ деятельности* не требует от тебя такого шага: более того, ввиду важности их функций для государства, профессора и определённые группы учителей и ученых идут на военную службу лишь в последней крайности.

Я лично считаю это государственное решение справедливым и разумным. Едва ли в какой стране так сейчас чувствуется недостаток учителей и ученых, как у нас, в России, в переживаемый момент. Из армии посылают назад учителей — и это правильно. Что же говорить о профессорах и ученых? Помимо своей основной работы, которая должна быть теперь чрезвычайно усилена вглубь и вширь, они должны самым энергичным образом участвовать и в организации тыла. И я не знаю, что сейчас важнее: тыл или фронт.

Таким образом, для меня ясно, что логически и с *государственной точки зрения* я не могу признать это решение нужным и правильным, ибо полагаю, что ты делаешь все, что можно от тебя требовать, в работе в тылу и в укреплении этим фронта.

Но я признаю, что нельзя жизнь регулировать только логикой и разумом. Для отдельного человека эти решения могут

---

* Г. В. Вернадский в это время был профессором русской истории Пермского университета.

привести и к неправильным выводам. И я думаю, то чувство, которое должно быть у тебя: ты настаиваешь на том, чтобы люди твоего возраста и твоих сил шли на фронт, на личную опасность, — сам не иди туда, так как тебя избавляет от этого государство. Несомненно, это чувство не может не иметь значения для *личного решения*. И я понимаю, что ты можешь из-за него и чтобы подать пример нерасхождения слов и дел пойти. Я понимаю и могу считать такой шаг правильным. <...>

Пишу эти строки не для того, чтобы тебя в чем-нибудь убедить и что-нибудь менять в твоём решении. Я считаю, что решение человек должен принять сам. *Так я провел всю свою жизнь и никогда не любил советоваться*. Но мне хочется, чтобы ты, выбирая свой путь, знал мое мнение. <...>

Из Дневника. 11/24. 03. 1918⁶⁰

<...> В населении растёт ненависть к большевикам. И в то же время берет ужас, когда подумаешь, что они сделали с Россией!

Нельзя было и представить себе, чтобы было возможно то, что случилось и пришлось пережить России: попала во власть людей из Мертвого Дома Достоевского...

Ужасно, что город⁶¹ ждёт немцев как избавителей. Нет суда, полный произвол, не обеспечена честь близких, жизнь. Живешь как илот⁶². Ведь «советская» власть означает неравенство для несоциалистов. <...>

Ужасы Глухова, Севастополя, Симферополя, Ростова и Новочеркасска, Кронштадта и Свеаборга, и Кунгура, и тысячи мест. Масса замученных и избитых, истерзанных людей... Какой ужас и какое преступление. И какая без героев и каторжная русская революция.

Сразу погибла не только вековая историческая задача русского государства — конституционность, которая еще недавно казалась близкой. Но погибла и народная вековая задача — земля. <...>

Работаю много над живым веществом. И здесь нахожу опору... Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства. И я нахожу эту опору в свободной мысли, в научной работе, в научном творчестве. <...>

Читал Ветгема, Гертнера⁶³, но больше всего — Достоевского. Прочел два тома сплошь и теперь читаю 3-й — «Записки из Мертвого дома». Как странно. Я не мог читать Достоевского раньше. Кроме «Записок из Мертвого дома» гимназистом про-

чел «Преступление и наказание», «Бедные люди», позже — не всех «Карамазовых» и «Идиота». Мне тяжел был его анализ и его представление о людях. Но сейчас, когда пришлось столько пережить! Я читаю Достоевского как великого *русского* писателя и ищу у него проникновений в народную душу.

Он же ясно понимал и ту заразу, которая проявилась в русском нигилизме, прообразе большевизма. <...>

Из Дневника. 19. 03/1. 04. 1918⁶⁴

<...> Нигилизм, порицание и пренебрежение к госуд[арствен-ным] устоям и *государственному* идеалу привели нас и к разрушившему Россию социализму, и к его разности — большевизму. Старые боги — Чернышевский, все прогрессивное русское движение 1860-х—1910-х годов должно быть сброшено. Надо произвести в умах идейную чистку. То настроение, которое было в части русского общества в 1863 году⁶⁵ и было покрыто здоровым госуд[арственным] чутьем, победило в 1918 году, и мы видим последствия. <...>

Из Дневника. 18. 04/1. 05. 1918⁶⁶

Первое мая! Как далеко *это* первое мая от того, которое было в прошлом году! Когда мы все участвовали в первом мае, надеясь, но не веря, что есть что-то твердое, возрождающее в совершавшемся вокруг нас бедламе. Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем. А у меня все более и более поднимается *презрение!* <...>

Эти дни невольно и не раз возвращался к мысли о *неравенстве*. Идеи Гобино⁶⁷ не так уж неверны. Равенство людей — фикция, и, как теперь вижу, фикция вредная. В каждом государстве и народе есть раса высшая, творящая творческую, созидательную работу, и раса низшая — раса разрушителей или рабов. Несчастье, если в их руки попадает власть и судьба народа или государства. Будет то, что с Россией. Нация в народе или государстве состоит из людей высшей расы. Демократия хороша, когда обеспечено ею господство нации. А если нет?

Равенства *нет*, и надо сделать из этого выводы. Очевидно, в государственной, общественной и экономической жизни при построении прав необходимо добиваться таких условий, при которых обеспечивалась бы нации возможность широкого и полного проявления и при которых наименее была бы опасной деятельность отрицателей и рабов.

Мне кажется, при таком построении значительная часть демократических учреждений должна получить свое основание, ибо нация не совпадает ни с сословием, ни с классом. Но не больше ли элементов нации в русском дворянстве, чем в русском народе? Кто производит творческую работу в промышленности? Чей труд должен главным образом оплачиваться? Мне кажется, как правило, это не рабочий и не капиталист. Это организатор и изобретатель. Рабочий и капиталист — оба эксплуататоры, в том случае если рабочий получает вознаграждение по социалистическому рецепту. Организатор часто совпадает с капиталистом, но далеко не всегда.

Промышленность и техника вообще не могут свободно развиваться в социалистическом строе, т[ак] к[ак] он весь не приспособлен к личной воле, неизбежной и необходимой для правильного функционирования организаторов и изобретателей. Мне давно хочется развить эти мысли. Можно построить любопытные социальные системы. Никогда нельзя заменить личности организатора и изобретателя коллегиями, хотя иногда и удобно пользоваться этой формой деятельности. <...>

*Из Дневника. 24. 05. 1941*⁶⁸

Немедленно по утверждении меня Головой Украинской академии наук⁶⁹ я вышел из Конституционно-демократической партии и ее Центрального Комитета⁷⁰. Во всех киевских газетах появилось мое мотивированное письмо об этом. Я мотивировал это тем, что считаю президентство в Академии наук несовместимым с политической деятельностью. <...>

Этот выход не был только следствием этой формальной причины. Уже [тогда], когда я был во Временном правительстве, я глубоко был не согласен с правительством князя Львова, не говоря о Керенском. Считал ошибочной всю тактику [кадетов]. Деятельность кадетов во время междуусобной войны у Деникина окончательно меня [от них] оттолкнула — и в земельном, и в национальном вопросах.

*Из Дневника. 20. 04. 1919*⁷¹

<...> Присматриваясь к молодежи, мы видим для многих потерю идеала без замены его новым. Будет идеал business? <...>

*Из Дневника. 15. 09. 1919*⁷²

<...> Я сейчас очень холоден к партийным вопросам, тем более что для меня ясна ошибочность основного принципа партии Н[ародной] С[вободы] — принципа народовластия. <...>

*Из Дневника. 25. 02/9. 03. 1920*⁷³

<...> Я ясно сознаю, что я сделал меньше, чем мог, что в моей интенсивной научной работе было много дилетантизма — я настойчиво не добивался того, что, ясно знал, могло дать мне блестящие результаты, я проходил мимо ясных для меня открытий и безразлично относился к проведению своих мыслей окружающим. Подошла старость, и я оценил свою работу как работу среднего ученого с отдельными выходящими за его время недоконченными мыслями и начинаниями. Эта оценка за последние месяцы претерпела коренное изменение.

Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое о том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь — как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я почувствовал в себе *демона Сократа*⁷⁴. Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я, нисколько не меняясь в своей сущности, попадаю в первые ряды мировых ученых. <...>

*Из Дневника. 2/15. 03. 1920*⁷⁵

<...> Я живу всегда — при всей отвлеченности моей природы — в сознании, что рационализирование охватывает небольшую часть духовных проявлений человеческой личности, что разум охватывает далеко не все и нельзя даже считать его главным и основным решателем жизненных проявлений личности. Через всю мою жизнь проходит этот элемент и в том чувстве дружбы и братства, которое так красит жизнь и, я бы сказал, дает большую, чем что бы то ни было, возможность развернуться человеческой личности. И странным образом эта способность дружбы, создания новых дружественных связей — глубоких и крепких — не исчезла у меня и теперь, в старости, т[ак] к[ак] в Киеве зародились у меня глубокие дружественные связи с Василенко⁷⁶, Тимошенко⁷⁷, Личковым. Это все разные проявления *эроса* и *эроса* настоящего, связанного не с абстрактным

человеком-рационалистом, а с живой человеческой личностью. В связи с религиозными аспектами этого явления я много понял в общении с Нюточкой⁷⁸, и ее идея христианской помощи — как помощи индивидуальной и государственной — целиком отразилась в моем потенциальном предсмертном распоряжении. <...>

Из Дневника. 11.03.1923⁷⁹

Статья Милюкова⁸⁰ о монархии и республике в «Последних новостях»⁸¹. Схоластический спор, далекий от жизни. Демократии — монархии — все это сейчас получило другой смысл. Кто верит этим формам жизни как формам?

Важно *содержание*: свобода слова, мысли, веры. Обеспечение личности, собственности — как необходимое условие защиты личности. Работа культурная. Работа над будущим человечества: организация знаний.

Это может быть при всякой форме. Кто сейчас может дать больше? Царь или «республика»?

Важно, чтобы мысль молодежи и других направилась на содержание, а не на форму. <...>

Из Дневника. 21.05.1923⁸²

<...> Для меня в общем остался весь прежний культ служения науке и творческому исканию, ясное мистическое чувство мира усилилось чувством живого. Осталось прежнее уважение к человеческой личности. Сейчас бы я не смотрел как раньше: бессмертие личного духа, но без единого Бога. И в вопросе о демократии мои мысли изменились. Обеспечение и создание élite* — огромная цель. <...>

Из письма И. И. Петрункевичу. 22.06.1923⁸³

<...> То, что свидание с Вами может мне повредить по моем возвращении в Петроград⁸⁴ — мне кажется, не должно никоим образом быть принимаемо во внимание. При русской бестолочи и невежестве мы никогда не можем рассчитывать, что может повредить и что нет. Я говорю там всегда только то, что есть: в политическую работу я не вмешиваюсь, — но затем калечить свою личность боязнью сношений с близкими и дорогими считаю прямо невозможным. Это было бы действительно подчи-

* Элита (фр.).

нением ненавистному для меня коммунизму. И мое неучастие в политической борьбе основано на моей критике прошлого и на сознании, что всякая культурная и бытовая работа в данный исторический момент гораздо важнее. Форм для политической борьбы сейчас нет, и быт сейчас гораздо сильнее в борьбе с коммунизмом, чем все интервенции, заговоры (которых к тому же почти нет!) и болтовня à la Милюков, Кускова⁸⁵ и т. д. Споры о республике и монархии мне представляются гниением. Интервенция — несчастьем, т. е. она в конце концов может привести к раздроблению России, и внесение гражданской борьбы в измученную среду есть величайшее несчастье. Силы у эмиграции нет, и идеалы многих из них чужды в русской среде. <...>

А сила русская сейчас в творческой культурной работе — научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи. <...>

Из письма И. И. Петрункевичу. 30. 09. 1923⁸⁶

<...> Поколениями русская интеллигенция подготовляла (и с какой энергией и страстностью) этот строй. Как химическая реакция: полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей! Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и tutti quanti* ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам. <...>

Из письма И. И. Петрункевичу. 2. 11. 1923⁸⁷

<...> Я думаю, что Вы и я были *garî aves*** в русской жизни — мы совсем никогда не были затронуты социализмом, всегда видели в нем проявление насилия над человеческой личностью. И, осматривая свою жизнь, я вижу, что я не понял в пережитом, что ни в каком случае нельзя было соединяться с социалистической по партийности или с социалистической по существу толпой. «Демократия» социализма и «демократия», о которой мы говорили, была разная. Уважения к человеческой личности нет и не может быть в социализме, так же как его не может быть в якобинизме. <...>

* Все прочие (*лат.*).

** Редкие птицы (*лат.*).

Из письма И. И. Петрункевичу. 20. 04. 1924⁸⁸

<...> Если бы я был совсем моложе — я бы эмигрировал. Во мне чувство общечеловеческое много сильнее национального. Но сейчас это трудно и невозможно, так как всегда требует нескольких лет, потраченных на приобретение положения.

Я не делаю никаких иллюзий — жить в России чрезвычайно трудно, и труд настоящим образом не оплачивается. Может быть, я оттуда скоро и уеду. <...>

Я не вижу ни в России, ни в эмиграции тех сил, которые создадут политически новую Россию. Центр этих сил — где-то в молодых поколениях, которые не ответственны за грехи отцов. Если в научной работе в России старые люди составляют главную сплачивающую силу огромного творческого значения, — то этого ядра в политических кругах нет, все слишком мало оказались понявшими происходящий процесс... Вожди будут новые. И, очевидно, они должны найтись где-то среди молодых. <...>

Из письма И. И. Петрункевичу. 21. 08. 1924⁸⁹

<...> Я уверен, что все решает человеческая личность, а не коллектив, élite страны, а не ее демос, и в значительной мере ее возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей. <...>

*Из письма в Российскую Академию наук.
22. 08. 1924⁹⁰*

<...> Вся научная работа, по самой сути своей, связана со свободным суждением свободной человеческой личности, и, как мы знаем из истории знания, она творится только потому, что ученый в своих исканиях идет по избранному им пути, не считая равноценным своему суждению ничьи мнения или оценки. Вся история науки доказывает на каждом шагу, что в конце концов постоянно бывает прав одинокий ученый, видящий то, что другие своевременно осознать и оценить не были в состоянии.

Если это справедливо вообще, то особенно представляется мне это необходимым и неизбежным в современных революционных переходных условиях жизни России. Примат личности и ее свободного, ни с чем не считающегося решения представляется мне необходимым в условиях жизни, где ценность отдель-

ной человеческой жизни не сознается в сколько-нибудь достаточной степени. Я вижу в этом возвышении отдельной личности и в построении деятельности только согласно ее сознанию основное условие возрождения нашей родины. <...>

*Из письма И. И. Петрункевичу. 8. 01. 1925*⁹¹

<...> Я глубоко убедился в неправильности всех оценок и построений, которые делались по отношению с переживавшимся нами событием, и не вижу никаких гарантий и никаких указаний на то, что дальнейшие — теперешние — оценки тех же людей были верны. Вследствие этого я стал чрезвычайно *терпим* к оценке совершаемого другими, так как знаю, что едва ли их мнения (так же как и *мои*) заключают много истинного. Для меня гораздо важнее оценка личности — человека в целом, чем оценка его поступков, связанных с его пониманием происходящего. И в этом отношении те различия мнений, какие, например, существуют между мной и дорогими мне людьми, как С. Ф. Ольденбург или А. Е. Ферсман⁹², нисколько не меняют моего к ним отношения. Оставляя в стороне те поступки, которые связаны с их неизбежными ошибками — с точки зрения их же мотивов, — для меня кажется совершенно странным и неприемлемым многое из того, что они сознательно и не ошибаясь проводят. Но эти различия между нами нисколько не нарушают моего к ним отношения. <...>

*Из письма Г. В. Вернадскому. 14. 07. 1929*⁹³

<...> Сейчас в России страшное время — идет террор, борьба против христианства, бессмысленная жестокость, идет, несомненно, столкновение с русским крестьянством. Машина коммунистическая действует прекрасно, воля огромная, — но мысль остановилась и содержание ее мертвое. А затем малограмотные, ограниченные и бездарные люди во главе, — а затем огромное количество воров и мошенников... Их очищают, но они лезут лавиной, понижая все более уровень. <...>

*Из письма В. П. Волгину. 19. 06. 1930*⁹⁴

<...> Успех социального строительства — всякого — прежде всего связан с новым научным творчеством. Я сам идейно чужд и капиталистическому, и социалистическому строю. Чужд и на-

циональному государству, мой идеал иной, он дело будущего, до которого мне, конечно, не достичь. Я живу наукой. <...>

То, что совершается сейчас в научной мысли, — по существу, глубже и сильнее и важнее для человечества всех происходящих сейчас социальных перестройств, как бы велики они в действительности ни были. Всецело проникнутый участием в таком научном творчестве и иначе, чем другие, его сознавая, я *стихийно аполитичен*. Я не считаю себя вправе — и не имею желаний — тратить свое время и мысль на политическую и общественную работу. Я участвую в ней постольку, поскольку это — помимо моего сознания — вытекает как следствие из моей научной работы. <...>

*Из Дневника. 14. 03. 1931*⁹⁵

<...> Всюду предрассудок, что философия идет глубже науки в понимании окружающего. Может быть, это основывается на том, что философия опирается на научные достижения и прибавляет к ним рационализацию — строгий логический анализ, исходящий из положений, часто добытых не научным путем, а частью научным, но философией выхватываемых из той «среды» (resp.⁹⁶ эмпирического окружения), в которой они только и верны.

Научные достижения могут достигнуть общеобязательности и быть едиными для всех. Могут ли философские? Думаю — нет. <...>

*Из Дневника. 2. 06. 1931*⁹⁷

<...> В молодости, когда я был смелее, — или, вернее, больше интересовался философскими построениями, — я допускал бессмертие личности, но не видел места единому Богу. Мне казалось — это кажется и теперь, — что человек, искренне верующий и глубоко чувствующий бытие, будет ли это глубина Природы или человеческой души, может быть всякой религии и принимать всю пользу научного знания. Древний верующий грек может принимать всю современную науку.

Но *единство* Природы — едва ли отражение нашей индивидуальности? — требует единого Начала. И в этом смысле тот Бог, которого мы видим у таких ученых и философов, как Александр⁹⁸, Уайтхед⁹⁹, Льюис¹⁰⁰, вполне отвечает научному знанию.

Научное знание, охватывающее часть человечески доступно-го, придает ему форму Порядка Природы. <...>

*Из Дневника. 9. 06. 1931*¹⁰¹

<...> Я философский скептик, т. е. я считаю, что философия по существу не может нас привести к истине, равной по силе и общеобязательности той, которая — в своей области — достигается наукой. Философия в целом, во всем многообразии живых ее систем и исканий, м[ожет] б[ыть], охватывает поле духовной жизни, равноценное с наукой. Наука — область которой ограничена — достигает общеобязательных истин. В основе науки — научные факты и эмпирические обобщения, философы же ухватывают и их интересуют преходящие научные теории.

Это различие вытекает из того, что философия берет из окружающего нас любое явление, любой предмет, его абстрагируя, рационализируя, — т. е. его ограничивая. Наука идет тоже этим путем, но не отходит во всем дальнейшем ее движении от «земли», от предмета или явления. В логических следствиях из философского построения предмета или явления и из научного факта того же предмета или явления — мы приходим нередко к противоречиям.

Прочен только научный факт. <...>

*Из Дневника. 11. 06. 1931*¹⁰²

<...> Вдумываться в себя я не люблю. С молодости, когда я ясно понял, что в человеческой личности много есть научно не охватываемого и не охваченного, — я пошел по другому пути, по [пути] углубления в природу, т[ак] к[ак] ясно сознавал, что по двум путям углубляться невозможно. <...>

*Из письма Г. В. Вернадскому. 13—14. 09. 36*¹⁰³

<...> Чувство насилия над свободной мыслью для меня наиболее тяжело в России — я не могу с этим мириться, его не скрываю и достиг лично для себя очень многого. Но пока это стеснение как-то не осознается окружающими и на меня смотрят как на индивидуалиста, с этим трудно мирящегося, тогда как кругом мирятся сравнительно легко. <...>

*Из Дневника. 1. 03. 1938*¹⁰⁴

Сегодня в газетах известия о новом «процессе»¹⁰⁵.

Безумцы. — Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что, в своей основе, не исчезает. Но силу государства, в

котором интересы масс — во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) — стоят действительно в основе государства, сейчас сами подрывают. <...>

*Из Дневника. 25. 03. 1938*¹⁰⁶

<...> Еще раз пересмотрел «Диалектику природы»¹⁰⁷ Энгельса. Остается прежнее впечатление: черновые тетради alterlimlich*. Есть кое-что интересное, — но в общем в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую «книгу» — совершенное сумасшествие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мире. Сами подрывают свою работу.

Впервые стал читать Энгельса «Анти-Дюринг». Тут, несомненно, есть интересное. Но и здесь — старый философ конца XIX века, который получил естественно-историческое образование в 1860— 1870 годах. Виден философ и гуманист, — но понимания естествознания нет, особенно нет понимания описательного естествознания и конкретных наблюдательных наук о «природе». <...>

*Из Дневника. 4. 12. 1938*¹⁰⁸

<...> Многие смотрят в ближайшее и *отдаленное* будущее мрачно. Л. (академик)¹⁰⁹: «Человек идет к одичанию». Я совершенно иного «мнения» — «идет» к ноосфере. Но сейчас становится ясно, что придется пережить столкновение, и ближайшие годы очень неясны. — Война? <...>

*Из Дневника. 5. 10. 1939*¹¹⁰

<...> Поражает «наживной» настрой берущей верх массы коммунистов; хорошо одеваться, есть, жить — и все буржуазные стремления ярко растут. Друг друга поддерживают. Это скажется в том реальном строе, который уложится. Все отбросы идут в партию. Двойственность: великие идеалы и — полицейский режим и террор?

Мне кажется, стихийный исторический прогресс идет в унисон с идейными принципами? Политика правильная? Все-таки в идеологии — положительное здесь. В демократиях оно проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику. <...>

* Старые, устаревшие, покрытые плесенью (нем.).

Из Дневника. 19. 11. 1939¹¹¹

<...> Вчера кончил 3-й том Schnabel'я¹¹², посвященный истории философии, науки и техники [Германии]. Не знаю, почему я заказал и начал читать. Но она заинтересовала меня. Удивительно, как глубоко проникает нас немецкая культура. Мне казалось, что меня более [захватывает] англосаксонская [культура] и я весь проникнут славянством. Но, читая эту книгу, я вспоминаю отца (1873—1881 гг.) и П. И. Новгородцева¹¹³ (1891—1917 гг.) и даже 1924 год [во Франции]. Отца, его отдельные разговоры — фразы, налагавшиеся в мой умственный уклад. Хотя отец много мне дал — западноевропейского (Италия, Англия и Шотландия — больше Германия и Франция, Польша и Украина). Здесь, [в книге Шнабеля], — Гегель, Риттер, Бек, Лист, Савиньи.

Из Дневника. 31. 05. 1941¹¹⁴

<...> Я ставлю или ставил сознательно на равное место философию, науку, религию. Это раздражает. Как-то Лузин мне предложил вопрос — религиозен ли я? Я ответил положительно. Но я не вижу [в мире] проявлений Бога и думаю, что это представление вошло в человечество не научным путем и явилось следствием неправильного толкования окружающей нас природы (биосферы и видимого и осязаемого космоса).

Элемент веры есть и в большевизме. Мистика мне чужда, но я сознаю, что нам неизвестны огромные области сознания, доступные, однако, до конца научному, поколениями длающемуся исканию.

Я давно не христианин и все высказывания дилетантов-материалистов считаю в значительной мере «религией» — философской, но для меня ясно противоречащей даже современной науке. «Сознание» — «Мысль» — в атомистическом аспекте связано с определенными изотопами. Метемпсихоз¹¹⁵ в этом отношении — дальше идти нельзя пока — допустим, но едва ли можно думать, что *личность* [после смерти] сохраняется. Гилозоистический пантеизм¹¹⁶, может быть, одна из форм будущих религиозно-философских исканий.

От витализма я так же далек, как от материализма. Думаю, что живое отличается от мертвого другим *состоянием пространства*. Это все доступно научному исканию. Может быть, наибольшее понимание дает для отдельного человека не наука его времени, а мир звуков — музыка.

*Из письма Г. В. Вернадскому. 18. 07. 1941*¹¹⁷

<...> События мирового характера¹¹⁸ всколыхнули нашу личную жизнь, как пылинку, но на душе легко, что исторический ход событий, думаю, мирового характера, поставил нас вне того ложного положения, в которое мы встали во временном союзе с гитлеровской Германией. Сейчас основные принципы идеологии нашей страны и их — резкая, непримиримая противоположность с фашизмом — исторически сказались, и я глубоко рад, что мы находимся сейчас в неразрывной связи с англосаксонскими демократиями. Именно здесь наше историческое место. <...>

*Из письма Т. Н. Толль. 30. 12. 1943*¹¹⁹

<...> Я мало понимаю в музыке, но она мне много дала.

Я пережил не раз, слушая хорошую музыку, глубокое влияние на мою мысль. Некоторые из основных моих идей, как идея о значении жизни в космосе, стали мне ясными во время слушания хорошей музыки. Слушая ее, я переживал глубокое изменение в моем понимании окружающего. И сейчас, в старости, мне очень недостает, что я так редко могу слушать хорошую музыку. Хорошее пение птиц вызывает то же самое; это — другой язык. <...>

*Из Дневника. 7. 11. 1944*¹²⁰

<...> По существу, аморальная [максима] — цель оправдывает средства — дает временные выгоды. Но в конце концов может разрушить все. Милльоны арестованных. Думаю иногда, что кончится крахом. Сейчас Берия лучше Ежова, но в конце концов его «работа» отрицательна — гангрена. Я думаю, что будущее моей внучки безопаснее в США. <...>

